

УДК 37.0+81'373+13+17

Чернобров Алексей Александрович

Доктор психологических наук, профессор кафедры иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета, chern@online.sinor.ru, Новосибирск

ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ? (ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ, ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЙ «ЛОЖЬ» И «ИСТИНА»)

Аннотация. В начале статьи автор кратко излагает взгляд о недопустимости лжи с точки зрения педагогики, философии и религии. Далее автор анализирует понятия истины и лжи/обмана, а также употребление этих слов в русском и английском языках. Следуя О. Конту, автор разделяет теории истины на теологические, метафизические и позитивные. В связи с этим обсуждается проблема искренности в политическом и художественном тексте и в поэзии.

Ключевые слова: истина, ложь, педагогика, философия, лингвистика

Chernobrov Alexey Alexandrovich

Doctor of philology, professor of the chair of Foreign Languages The Novosibirsk State Pedagogical University, chern@online.sinor.ru, Novosibirsk

TRUTH GOOD, LIES BAD? (THE PROBLEM OF TRUTH AND LIE IN PEDAGOGY, LINGUISTICS AND PHILOSOPHY)

Abstract. The author analyzes the concepts of truth, lie and deception, and the usage of these words in Russian and English. Following A. Comte's hypothesis of "three stages", theories of truth are divided into theological, metaphysical and positive ones. Further, the problem of sincerity in political texts, emotive prose and poetry receives the author's attention.

Keywords: lie, truth, pedagogy, philosophy, linguistics

Ложь как педагогическая проблема не столь однозначна, как это может показаться на первый взгляд. Ребенку с раннего возраста внушается мысль, что лгать нельзя. На вопрос ребенка «почему нельзя?» обычно следует ответ: «Это нехорошо». Вопрос «почему нехорошо?» обычно остается без ответа. На такой вопрос можно ответить с религиозной или философской точки зрения. С точки зрения религии, ложь – это грех, а от греха следует уклоняться безотносительно к условиям или причинам. Грех есть удаление от Бога, а правда – приближение к Богу, уподобление ему и залог спасения души. Ложь – от дьявола «ибо он лжец и отец лжи». На протяжении веков такого объяснения было достаточно как взрослым, так и детям. Сейчас религия не играет главной роли в нравственном воспитании. Стоит ли возвращать религиозное воспитание в школы? На этот вопрос нет однозначного

ответа. Такие мыслители как Б. Рассел или З. Фрейд, считали, что религиозная мораль основана на страхе и не заслуживает уважения.

Общественное осуждение лжи может быть обосновано помимо религии. Философ И. Кант не прибегал к религиозным аргументам в обосновании морали, но считал нравственные ценности абсолютными. Он написал статью «О мнимом праве лгать из человеколюбия» [5, с. 232–237], где доказывал, что ложь совершенно недопустима. Кант различал ложь и сокрытие правды, например, от разбойника можно скрыть, где прячется его жертва, но ему нельзя лгать. Кант считал нравственным только то, что может быть возведено во всеобщий принцип поведения. Если все будут лгать, то люди перестанут верить друг другу и не смогут отличать правду от лжи. В разговорах с детьми такой аргумент иногда используется: «Если все начнут врать как ты, что же будет?»

Или: «Если ты будешь врать, никто не поверит тебе, даже когда ты скажешь правду». Второй аргумент сильнее первого, потому что указывает ребенку, что вред от лжи для него самого может быть больше, чем выгода от нее. Так называемое «золотое правило этики» гласит: «не делай другому того, чего не желаешь себе»¹. Это правило подразумевает, что вред, причиненный другому, может обернуться против злоумышленника². Конечно, доводы здравого смысла не всегда действуют на ребенка. Но жажда одобрения за правду и страх осуждения за ложь, как утверждают психологи, в конце концов приводит ребенка к честности.

Тем не менее, некоторые философы склонны оправдывать ложь в особых случаях. Платон в своих поздних диалогах выдвинул теорию «царской лжи». Во время войны можно лгать врагу, потому что ложь – меньшее зло, чем гибель и разорение, которое враг может принести народу. Много позднее появился афоризм: «Правда на войне слишком драгоценна и должна постоянно находиться под охраной лжи». Платон считал, что правители могут лгать не только врагам, но и гражданам, чтобы избежать большего зла. Принцип «меньшего зла» служит оправданием лжи правителей в любой стране и в любую эпоху. Но если на войне ложь и вправду меньшее зло, то в мирное время она служит не спасению жизни людей, а грязным, корыстным целям политиков и идеологов. Ложь ради спасения человеческой жизни безусловно оправдана, «царская ложь» – нет. Показательно, что выражение «ложь во спасение» – религиозного происхождения. Однако теологи имели в виду не спасение земной жизни человека. Они говорили о допустимости «благочестивого обмана» только во имя спасения души. В любом

случае проблема допустимости лжи крайне сложна, вывести общий принцип в этом вопросе затруднительно и, пожалуй, невозможно. Жизненные ситуации могут быть столь сложны, что каждый случай потребует индивидуального решения.

Некоторые лингвисты объявляют ложь и истину не столько этической, сколько лингвистической проблемой [1; 2]. Это справедливо в том смысле, что всякая истина или ложь выражается при помощи языка. С точки зрения лингвиста, исследование любой проблемы должно начинаться с анализа терминов, анализа языка. В данной статье мы последуем именно такой логике.

Исследования лингвистического аспекта истины и лжи в современном отечественном языкознании, в частности в германистике, имеют не очень долгую историю. Работы, посвященные этой проблеме, немногочисленны (см.: [7]). Одной из причин такого положения была идеологическая ситуация в СССР. В условиях господства лживой советской пропаганды и засилья идеологических манипуляторов объективное исследование истины и лжи было невозможным. Даже сам заголовок известной статьи А. Солженициной «Жить не по лжи!» казался крамольным. После краха коммунистической идеологии и освоения нашими учеными зарубежных исследований по лингвистике лжи количество отечественных работ увеличивается медленно. Становится ясно, что главная причина таких относительно скромных результатов – это сложность самого вопроса. Изучение проблемы истины и Лжи требует междисциплинарного подхода и компетентности авторов не только в лингвистике, но и в логике, философии, психологии. С другой стороны, междисциплинарные исследования нередко получают упреки в «нелингвистичности». Приходится соблюдать трудный баланс между слишком строгим, узколингвистическим подходом и излишне широким «культурологическим» взглядом.

Разногласия в понимании лжи и истины начинаются уже с терминов. Например, терминологическая пара *ложь/обман* используется разными авторами неодинаково. В указанной работе А. В. Ленец на материале немецкого языка эти два понятия синонимичны. В английском языке (в частности, в юридической практике Великобритании)

¹ В Библии «золотое правило встречается в отрицательной формулировке: «Что ненавистно тебе самому, того не делай никому». (Товит, 4:15) и в положительной: «Как хотите, чтоб с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними. (Матф., 7:12, Лука, 6:31). Отрицательная формула более универсальна.

² Сравните: «Кто роет яму, тот упадет в нее; и кто покатит вверх камень, к тому он воротится». (Притчи, 26:27)

термин *deception* (обман) гиперонимичен по отношению к понятию *lie* (ложь). *Deception* включает не только вербальную ложь, но и обманное невербальное поведение, например, неправомерное ношение полицейской формы. Обман может заключаться не только в прямой лжи, но и в умолчании, сокрытии фактов, недооценке или переоценке их значения, двусмысленной речи и т.п. В политическом и идеологическом дискурсе, если факты не выгодны, но отрицать их невозможно, факты объявляются несущественными, существенной провозглашается Истина.

Разумеется, не всякий обман является уголовно наказуемым или даже морально предосудительным. Многочисленные лингвокультурологические исследования, в том числе и наши собственные, показали, что для американской культуры характерно использование имплицитных вербальных и невербальных сигналов, создающих ложное представление об имущественном или социальном статусе человека. Самый распространенный в Америке «статусный» сигнал – это наличие дорогого автомобиля. Заметим, что такой невербальный обман тоже создается с помощью языка, принятого в данной культуре. Ложь в английском языке часто определяется через понятие обмана:

lie – an untrue or deceptive statement deliberately used to mislead /неправдивое или обманное высказывание, преднамеренно используемое для введения в заблуждение/ [13].

В этом определении есть несколько ключевых ограничений: 1) вербальный характер обмана; 2) в форме высказывания; 3) преднамеренность, осознанность обмана.

Существует точка зрения, что ложь, в отличие от обмана, свойственна только человеку. Насекомое, притворившись мертвым, может обмануть хищника, но не способно лгать. Человек – единственное животное, способное облечь обман в форму высказывания. Кроме того, человек способен осознать, отрефлексировать ложь. Из этих особенностей философы иногда делают вывод: человек – отец лжи, а язык – орудие лжи.

Приведенное выше определение лжи из британского словаря может быть расширено. Американский словарь Уэбстера выделяет несколько омонимов к слову *lie*. Один

из омонимов (4b)³ определяется так:

an untrue or inaccurate statement that may or may not be believed true by the speaker /неправдивое или неточное высказывание, которое говорящий может считать или не считать истинным/.

В такой трактовке лжи есть существенная особенность: вводится пропозициональная установка, то есть отношение говорящего к истинности высказывания. Под это определение подпадает непреднамеренная ложь, добросовестное заблуждение. Таким образом разводятся два параметра – истинность/ложность высказывания и искренность/неискренность говорящего.

Забегая вперед, можно сказать, что неискренность нередко оказывается более аморальной, чем собственно ложь. Хотя в обществе лицемерие не только не всегда осуждается, но даже явно или неявно предписывается, как культурная норма поведения. В английском языке есть понятие «белой лжи» (*white lie*), которая неизбежна в любом языке и культуре. Американские исследователи определили, например, что не менее 10% SMS-сообщений содержат ложь, пятая часть этой лжи – «белая ложь», которую авторы называют *butler lie* («ложь дворецкого»)⁴. Ложь является не только неотъемлемой частью культуры, но и одним из принципов функционирования самого языка. В строгом логическом смысле слова, ложными являются высказывания, содержащие метафору, гиперболу, иронию, метонимию, другие тропы. Поэтическая речь является частично или полностью ложной. Некоторые поэты и философы говорили о полной невозможности выразить истину при помощи языка: «Мысль изреченная есть ложь» (Тютчев). «Правдивый человек в конце концов приходит к убеждению, что он всегда лжет» (Ницше). Думается, что такой тотальный скептицизм – это, все же, преувеличение. Л. Витгенштейн сказал, что «язык переодевает мысли» (*Tract. 4. 002*)⁵. Развивая эту метафору, можно сказать, что языковая «одежда» никогда не подходит по фигуре,

³ <http://www.merriam-webster.com/dictionary/lie>

⁴ <http://www.news.cornell.edu/stories/Dec10/WhiteLiesTech.htm>

⁵ <http://www.philosophy.ru/library/witt/01/01.html>

часто жмет или сидит криво, но все же носить ее можно.

Понятие *истина* еще более неоднозначно, чем *ложь*, причем здесь различия трактовок не столько терминологические, сколько философские. Огюст Конт писал о «законе трех стадий» человеческого мышления¹. Эти стадии – теологическая, метафизическая и позитивная (научная). Современные философы и психологи подвергают сомнению стадийный характер этой закономерности, но говорить о трех типах мышления вполне правомерно. Теории истины можно разделить на те же три типа – теологические, метафизические и позитивные. Чтобы систематизировать различные определения истины, мы вновь обратимся к словарю Уэбстера (статье *truth*), изменив порядок следования значений этого слова:

1) *cap Christian Science: god* (4) /с загл. буквы, в теологии: бог/;

2) *often cap: a transcendent fundamental or spiritual reality* (2a, 3) /часто с загл. буквы, трансцендентная основополагающая или духовная реальность/;

3) *the state of being the case : fact* (2a) /то, что имеет место, факт²/;

4) *the body of real things, events, and facts: actuality* (2a, 2) /совокупность реальных вещей, событий фактов: действительность, актуальное/;

5) *a judgment, proposition, or idea that is true or accepted as true* (~s of thermodynamics) (2b) /суждение, пропозиция или идея, которая является или считается истинной/ в этом значении *truth* также переводится как *закон, правило*, отсюда пример «законы термодинамики» /; ср. также русское *правда*/;

6) *the property (as of a statement) of being in accord with fact or reality* (3a) /свойство высказывания, заключающиеся в соответствии факту, действительности/ ср. русское *истинность*/;

7) *sincerity in action, character and utterance* (1b) /искренность в поступках, характере и высказываниях/; ср. русское *правдивость*/;

¹ <http://soctext.narod.ru/kont.html>

² Данное определение в точности повторяет афоризм Витгенштейна: «Мир есть все, что имеет место, ... совокупность фактов...» / *Die Welt ist alles, was der Fall ist* (Tract. 1). *Die Welt ist die Gesamtheit der Tatsachen* (1.1)/

8) *archaic: fidelity constancy* (1a) /верность, преданность (устаревшее)/.

В данной словарной статье достаточно полно и точно отражены основные значения термина *истина* в английском языке. Нередко говорят о национальной специфике концептов «ложь» и «истина». Некоторые особенности этих концептов видны уже из приведенного выше сравнения словарных статей. Например, в русскоязычной традиции *правда* выступает контекстуальным синонимом слов: «закон», «правило», «справедливость», «правосудие», «обет», «обещание», «присяга», «заповедь» и т.п. Можно упомянуть еще специфичные для русского языка слова «врать» и «вранье». В других европейских языках различие между ложью и враньем передается другими средствами, например, в английском языке слово *ложь* имеет множественное число *lies*. Синонимические средства каждого языка тоже достаточно богаты, чтобы отразить тонкие оттенки данного понятия. (См.: [12])³.

Беглый анализ словарной статьи позволяет выявить главные отличия в употреблении английского слова *truth* и русского *истина*⁴. Мы видим, что первое из приведенных определений истины – теологическое, второе – метафизическое, значения 3–6 – позитивные (логические или логико-философские), седьмое определение – бытовое или психологическое.

Проанализировав термины *ложь* и *истина*, рассмотрим каждый из трех подходов отдельно. В теологической парадигме ложь персонифицируется в личности Сатаны, а добро и истина – в Боге. Христос сам говорит о себе: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6). В другом месте: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец» (Откр. 1:8). Как возможно, чтобы личность говорила о себе как об отвлеченном понятии? Дело тут не только в том, что древний человек воспринимал отвлеченные идеи персонифицировано или метафизически как бестелесные, но реальные сущности. Истина означает для христи-

³ http://www.russcomm.ru/rca_biblio/sh/shakhovskiy04.shtml

⁴ Этимологию и описание концептов *правда* и *истина* см.: [Степанов 1997].

анина прежде всего путь к спасению, а путь есть Бог. Кроме того, познать истину значит познать первопричину вещей. Если Бог есть первопричина, то Бог и истина – синонимы. Познать истину значит также познать цель и смысл жизни. Если цель и смысл в Боге, то Бог и истина – одно. Таким образом, Бог – начало всего и конец всего. Более того, как считал Платон, духовные сущности реальнее видимых вещей. Видимый мир – это лишь тени, отбрасываемые на стены пещеры, то есть иллюзия, обман. Духовные сущности не искажены, не иллюзорны, а настоящему реален только источник всего, то есть бог.

Мне кажется, что наука в строгом смысле не может заниматься поисками истины. Лингвисты могут собирать языковые факты, описывать их в форме истинных высказываний, интерпретировать их и создавать теории, но нельзя говорить, что абстрактные объекты – например, платоновские эйдосы, универсалии, концепты или фонемы, более реальны, чем эмпирические факты.

Теология также учит, что сам человеческий язык несовершенен и искажает замысел Бога. Человек, по своей греховной сущности, способен исказить и испортить любую благую идею. Любая истина может быть превращена человеком в ложь. С этим нельзя не согласиться. Примером такого превращения может служить развитие моральной философии после Сократа. Сократ говорил, что истина должна служить добру, что добро и истина – одно и то же. Некоторые из его последователей стали вводить моральную цензуру на истину и превратили философию в идеологию. Все, что не согласовывалось с господствующей идеологией, религией или моралью, объявлялось вредным и ложным. Но в конце концов сами моралисты постепенно увязали во лжи. Так продолжалось многие века вплоть до нашего времени. Люди старшего и среднего поколения помнят, как изолгались марксистские идеологи эпохи «развитого социализма». Ложь проникла во все сферы духовной жизни. «Социалистический реализм» был формально «правдив», жизнеподобен и на словах учил добру, но на деле утверждал лицемерие.

Еще с Древней Греции известны три аспекта нравственного идеала – Истина, Добро и Красота. В религиозной этике они

сближаются со Святой Троицей. В абстрактном или религиозном смысле можно сказать, что Истина, Добро и Красота – «модусы одного и того же», «разные грани совершенства» и т. д. Однако в конкретном смысле подобное отождествление часто приводит к крупным заблуждениям и даже несчастьям. В конечном счете, нравственность или безнравственность лжи или правды заключается в ее прагматической цели, намерении, интенции говорящего. Английский поэт Уильям Блейк писал:

*A truth that's told with bad intent
Beats all the lies you can invent. –
Правда, сказанная злобно,
Лжи отъявленной подобна.*

Ложь – не всегда зло, правда – не всегда добро. Правда не всегда красива, «возвышающий обман» может быть прекрасен.

Все сказанное приводит к выводу о том, что в вопросах истины и лжи вряд ли стоит прибегать к религиозным и метафизическим теориям. Наука, в частности лингвистика, может дать достаточно средств для адекватного анализа этого вопроса.

Где же находится локус лжи и истины, как говорили средневековые логики и философы? В словах, в знаках, в высказываниях или в тексте, дискурсе?

В истории философии мы довольно отчетливо различаем две линии: эссенциалистскую и номиналистскую. Это различие – один из главных вопросов философии. Это различие мировоззрений порождает два разных взгляда на материальный и духовный аспекты культуры и их отражение в языке. Подчеркнем, что любой фундаментальный философский вопрос в принципе нерезрешим. Философские, мировоззренческие концепции находятся за пределами доказуемости/опровержимости.

Первая, эссенциалистская, линия исходит из следующих положений:

1. Знания, в том числе, языковые, даются человеку а priori, до опыта.
2. Язык первичен по отношению к мышлению, он детерминирует мышление.
3. Язык отражает присущую вещам сущность, мы познаем эту сущность через язык.
4. Общие понятия не могут образовываться произвольно, они отражают общее в самих вещах.
5. Единичное менее важно, чем всеобщее.

6. Местоположение, «локус» истины находится в слове-понятии. Истина непреходяща. Даже если вещи изменяются, высший разум заключает в себе истину, и в этом смысле истина вечна. Она может быть дана человеку через откровение. Истина не постигается при помощи опыта. Ключ к ее постижению есть слово.

Второе, противоположное течение выдвигает постулаты:

1. Знания приобретаются из опыта, а *posteriori*.

2. Мышление может преодолеть зависимость от языка.

3. Конечная сущность вещей непознаваема. Язык связан с представлениями ассоциативно.

4. Общие понятия произвольны и образуются по договору.

5. Единичное первично, понятие об общем складывается из единичных фактов.

6. Истина есть логическое значение высказываний¹.

Как видим, постулаты (1) и (6) в обеих парадигмах относятся к противопоставлению рационализма и эмпиризма. Все эти предпосылки тесно связаны.

Первая, эссенциалистская, линия идет от Платона и таких его предшественников, как Парменид и Гераклит. В отечественных учебниках и словарях по философии «номинализм» и «реализм» считали двумя точками зрения в средневековом «споре об универсалиях», т.е. общих понятиях. Логические позитивисты и некоторые другие философы, в особенности К. Поппер, считают, что эссенциализм и номинализм гораздо старше средних веков. Как было сказано выше, Платон, говорил, что эйдос есть прототип всех вещей, единичное – лишь тень этой идеи, идеальная сущность есть реальность, а единичные вещи – лишь отображение реальности, «тени на стенах пещеры» (диалог «Государство»). Тем самым Платон уже сформулировал основной тезис эссенциализма: сущность – это то, что должны искать философы. Познание сущности первично по отношению к познанию явления. Платон также положил нача-

ло «двум тысячелетиям глупых разговоров о «существовании», начатых в *Таэте*» [9: Т. II, с. 346]. Точнее, этот вопрос даже не платоновский, а парменидовский; Рассел вначале ставит его в связи с этим философом (там же, Т. I, с. 68-71). Из Парменида следует, что Дж. Вашингтон не только существовал в прошлом, но в некотором смысле, существует и сейчас, раз мы значимо употребляем его имя. Вообще, если бы какая-то вещь где-то метафизически не существовала, ее нельзя было бы назвать. Рассел, Карнап и другие приложили большие усилия, чтобы доказать ложность этой посылки и ложность выводов из нее, но «глупые разговоры о существовании» все еще продолжают и, видимо, никогда не прекратятся.

Выражают ли имена истину и ложь? Платон считает само собой разумеющимся, что имена бывают истинными или ложными. Он подтверждает свою мысль этимологией имен, их «внутренней формой». Впоследствии стоики отвергли этот тезис, объявив, что истинной и ложной бывает «речь» (предложение), но не имя. Слова сами по себе не могут лгать. Есть термины так называемой интенциональной сферы, они не обозначают реальных объектов, например, «Дед Мороз». Есть внутренне противоречивые имена, например, «круглый квадрат» Но ложными они становятся только будучи подставленными в высказывания, такие как: «Дед Мороз есть» или «круглый квадрат существует». Проблема в том, что многие люди смешивают слова и высказывания и попадают в языковую ловушку.

Платон подробно анализирует проблему имен в диалоге «Кратил». Разбор этого диалога есть в нашей работе (Чернобров, 2006). Платон еще до христианства выдвинул идею о существовании «божественного», идеального языка. Заметим, что такой язык возможен только для богов. Человек вряд ли смог бы им пользоваться из-за ограниченных ресурсов своей памяти. Платон не говорит, что человек «испортил», «повредил» божественный язык из-за своей склонности к греху. У древнегреческих философов понятие греха отсутствует. Причина человеческого невежества и несовершенства языка в том, что душа забыла почти все, что знала на своей небесной родине, но «нет ничего такого, что она не могла бы вспомнить» (диалог «Менон», см. также «Федон»).

¹ Все философские положения для простоты взяты в крайней форме. Существуют промежуточные концепции.

Гераклит – еще более «сущностный» философ, чем Платон. Он (Гераклит) говорит, что истинная суть вещей может быть познана через язык, через слово. Слово есть «сидалище знаний», по его выражению, слово есть не только выражение истины, но и ключ к ней. Мистики и герменевтики позднее утверждали, что одно лишь толкование священных текстов даст ключ к истине.

Основоположники лингвострановедения Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в своем очерке «Из истории концепции слова как вместилща знаний» [3, с. 267–288] все время апеллируют к этой эссенциалистской концепции и ее наиболее ярким представителям: Платону, Филону, Плотину, Ф. Д. Э. Шлейермахеру, В. Дельтею, М. Хайдеггеру, Х. Г. Гадамеру. В этот ряд можно поставить и А. Ф. Лосева.

Вторая, эмпирическая, линия, пожалуй, идет от греческих атомистов, зачатки номинализма мы находим у стоиков, наиболее яркий номиналист средних веков – В. Оккам, виднейшие представители эмпиризма: Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Юм, Дж. С. Милль, Б. Рассел, Р. Карнап и др. более или менее явно придерживались номиналистских взглядов. Естественно, что номиналисты больше интересуются именами. Эссенциализм находит локус истины в имени, номинализм – в высказываниях. Примечательно, что логические позитивисты считали одной из своих главных задач борьбу с метафизикой и переход от метафизики к науке.

В последнее время эссенциализм в нашей стране приобретает все больше сторонников. В своей последней монографии 2005 г. [4] Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров признают, что верят в первичные сущности, которые они называют сапиентемами. Защитники платоновских эйдосов повторяют аргумент Лейбница о том, что истина не может быть произволом [6, с. 90–91]. Конвенции языка все же должны быть «на чем-то основаны», а без платоновских идей якобы невозможно разгадать эту загадку. Дж. Локк, споря с Лейбницем, говорил, что человек не всегда выделяет из понятий существенные признаки, но те «до которых ему больше всего дела» [8, с. 469]. «... Природа, производя вещи, многие из них сделала сходными... но деление вещей на виды и обозначение их по ним есть работа

разума, здравого смысла и необходимости» [Там же, с. 472]. Конечно, «разум и здравый смысл» часто подводят человека, а необходимость заставляет прибегать ко лжи.

Не останавливаясь подробно на мотивах, побуждающих человека ко лжи, перечислим основные из них, давно подмеченные философами. Это «предотвращение большего зла» (Платон), страх, получение выгоды или удовольствия (Ф. Бэкон). Эти мотивы отчасти объясняют засилие лжи и неискренности в быту, в политике или поэзии. Среди типично детских мотивов лжи психологи выделяют: недостаток любви, желание привлечь внимание, мотив эскапизма, то есть желание уйти в мир фантазий, мотив приукрашивания себя, мотив завоевания авторитета, желание рассмешить (это очень популярный способ вызвать к себе интерес)². Некоторые из этих «детских» мотивов заставляют лгать и взрослых, в особенности писателей и поэтов.

Различие между ложью и неискренностью хорошо иллюстрируется в пьесе Г. Горина «Тот самый Мюнхгаузен». Он, постоянно выдумывая свои истории, говорит, что «больше всего на свете ненавидит ложь». Мюнхгаузен вполне искренен, потому что всегда говорит только то, во что верит. Другие персонажи пьесы, хотя формально не всегда лгут, не говорят ни одного искреннего слова. Автор убеждает нас в том, что главная обязанность художника – быть искренним перед людьми и перед самим собой.

Но всегда ли поэты следуют этому принципу? Под моим руководством И. В. Лисицей было проведено исследование британской рок-поэзии с 1960 по 1980 г. Одной из главных проблем при анализе был вопрос об искренности авторов текстов. Рок-музыканты, как и горинский Мюнхгаузен, больше всего ненавидят лицемерие. Одна из песен Джона Леннона называется «Хочу правды!». Но был ли бунт и негодование того поколения музыкантов столь искренним? Только отчасти. Многие рок-поэты впоследствии признавались, что их творчество было лишь игрой, карнавалом, и что подросткам не стоило воспринимать их тексты столь серьезно. «Накал» страсти поэта всегда стоит делить на два, а то и на большее число. Но,

² http://www.mybloginfo.ru/view_post.php?id=247

на мой взгляд, существует закономерность: чем крупнее поэт, тем более искренними кажутся его стихи. И наоборот, у плохого поэта его самые искренние мысли кажутся пошлыми, претенциозными и фальшивыми. Про подобных поэтов Оскар Уайльд насмешливо говорил: «Вся плохая поэзия возникает от искреннего чувства». Читатели, и особенно читательницы, верят, что чувства Пушкина, выраженные в стихотворении «Признание» («Я Вас люблю, хоть я бешусь...»), искренни. Но кто знает, действительно ли поэт испытывал сильные чувства к А. И. Осиповой, которой посвящено стихотворение? Действительно ли В. Высоцкий считал, что настоящий поэт должен умереть в 37 лет, или в этой песне он лишь рисовался? И почему Высоцкому мы еще верим, хотя меньше, чем Пушкину, Е. Евтушенко верим еще меньше, а плохому поэту не верим вовсе? В этом и состоит одна из тайн поэзии, магия поэтической лжи.

Разумеется, лингвисты не оставляют попыток «раззять» ложь на составные части и находят множество тонких нюансов. Есть фактуальная, денотативная ложь. Есть коннотативная ложь, то есть ложная оценка или эмоциональный посыл, причем ложность может быть не только в знаке (+или-), но и в степени. Есть ассоциативная ложь, то есть провоцирование ложных ассоциаций и ложных выводов. Парадокс в том, что в естественном языке разные компоненты как бы сплавляются между собой.

Приведем примеры коннотативной лжи. Учитель называет ребенка медлительным. Одноклассники, ссылаясь на слова учителя, называют ребенка «тормозом». Одноклассники придали словам учителя ложную негативную коннотацию. Выражаясь терминами теории речевых актов, дети придали высказыванию ложную перлокутивную силу, сделав его обидным.

Эмоционально-ассоциативная окраска слова может быть так сильна, что любое высказывание, содержащее данный термин, вызывает сомнение в его истинности. Термин «жизненное пространство» (немецкое Lebensraum) последнее время активно используется в печатных работах и дискуссиях о геополитике. Но данное понятие столь явно ассоциируется с Гитлером и его захватнической политикой, что в любом случае наталкивает на мысли о ложности этой геополитической теории.

литической теории.

Дальнейшая лингвистическая детализация обсуждаемой темы выходит за рамки данной статьи. В нашу задачу входило, прежде всего, обсуждение общих этических, терминологических и логико-философских аспектов истины и лжи.

Библиографический список

1. *Боллинджер Д.* Истина – проблема лингвистическая // *Язык и моделирование социального взаимодействия* / Общ. ред. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 23–43.
2. *Вайнрайх Х.* Лингвистика лжи // *Язык и моделирование социального взаимодействия* / Общ. ред. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 44–87.
3. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
4. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и с послесловием академика Ю. С. Степанова. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
5. *Кант И.* Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – 712 с.
6. *Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разумении // *Лейбниц Г. В. Соч.*: В 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1983. – 686 с.
7. *Ленец А. В.* Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... док-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – 42 с.
8. *Локк Дж.* Опыты о человеческом разумении // *Локк Дж. Соч.*: В 3 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – 621 с.
9. *Рассел Б.* История западной философии. М.: Мир, 1993. Т. II. – 955 с.
10. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 584 с.
11. *Чернобров А. А.* Лингвокультурология: основа интегрального гуманитарного знания (язык – философия – логика – психология – культура): Учебное пособие для студентов старших курсов гуманитарных факультетов, аспирантов и соискателей. Материалы к спецкурсу. – Новосибирск, Изд-во НГПУ, 2006. – 221 с.
12. *Шаховский В. И.* Человек глуший в реальной и художественной коммуникации // *Человек в коммуникации: аспекты исследования.* – Волгоград, 2005. – С. 173–204.
13. *Collins English Dictionary.* 3d Ed. L.: Harper Collins Pub. 1991. – 1024 p.